

*Дороти Олдинг и Гасу Добрано*¹

Нам известно, как звучит хлопок двух ладоней. Но как звучит хлопок одной?

*Дзэнский коан*²

САМЫЙ ДЕНЬ ДЛЯ БАНАБУЛЬКИ

Вотеле поселились девяносто семь рекламщиков из Нью-Йорка и так забили все междугородные линии, что девушке из 507-го пришлось ждать соединения с полудня чуть ли не до половины третьего. Однако времени она не теряла. Прочла в женском карманном журнале статью «Секс — развлечение. Или ад?». Вымыла щетку и расческу. Свела небольшое пятно с юбки бежевого костюма. Перешила пуговицу на блузке из «Сакса»³. Выдернула два свежих волоска, пробившихся из родинки. Когда телефонистка наконец

¹ Дороти Олдинг (1910—1997) — литературный агент Дж. Д. Сэлинджера. Гас Добрано — редактор разделов прозы и поэзии журнала «Нью-Йоркер» в 1940—1950-х гг.

² Коан «Одна рука» японского поэта, художника и проповедника Хакуина Осё (1685—1768).

³ «Сакс Пятая Авеню» — американский элитный универсальный магазин, основан в 1898 г.

вызвала девушкин номер, та сидела в нише окна и докрашивала ногти на левой руке.

Такие девушки совершенно ничего не станут бросать, если звонит телефон. У таких, судя по всему, телефон не умолкает с наступления половозрелости.

И вот телефон разрывался, а она подвела кисточку к ногтю мизинца и очертила контур лунки. После чего закрыла пузырек и, встав, помахала в воздухе левой — невысохшей — рукой, туда-сюда. Затем сухой рукой взяла из оконной ниши уже полную пепельницу и перенесла на тумбочку, где стоял телефон. Села на заправленную узкую кровать и — на пятом или шестом звонке — сняла трубку.

— Алло, — сказала она, отставив левую руку подальше от белого шелкового халата, который только на ней и был — да еще шлепанцы: кольца остались в ванной.

— Нью-Йорк вызывали, миссис Гласс? На проводе, — сказала телефонистка.

— Спасибо, — ответила девушка и пристроила пепельницу на тумбочке.

Пробился женский голос:

— Мюриэл? Ты?

Девушка слегка отвернула трубку от уха.

— Да, мама. Ты как? — ответила она.

— Я до смерти за тебя переживала. Ты почему не позвонила? У тебя все хорошо?

— Я пыталась дозвониться вчера вечером и позавчера. Здесь телефон...

— У тебя все хорошо, Мюриэл?

Девушка увеличила угол между ухом и трубкой.

— Все прекрасно. Только жарко. Такой жары у них во Флориде не бывало с...

— Ты почему не позвонила? Я до смерти за...

— Мама, дорогая моя, не ори на меня. Я прекрасно тебя слышу, — сказала девушка. — Вчера вечером я звонила дважды. Один раз прямо после...

— Я и отцу твоему сказала вчера вечером, что ты, наверное, позвонишь. Так нет же, он... У тебя все хорошо, Мюриэл? Скажи правду.

— У меня прекрасно. И хватит уже спрашивать.

— Вы когда доехали?

— Откуда я знаю? В среду утром, рано.

— Кто вел?

— Он, — ответила девушка. — И не дергайся. Вел он очень славно. Я даже поразилась.

— Он вел? Мюриэл, ты дала мне слово, что...

— Мама, — перебила девушка. — Я же говорю. Он вел машину очень славно. Вообще-то не больше пятидесяти всю дорогу.

— А с деревьями не глупил, как раньше?

— Я же сказала, мама, он очень славно вел. Ну пожалуйста. Я попросила его держаться поближе к белой полосе и все такое, и он меня понял и держался. На деревья даже старался не смотреть, я видела. Кстати, папа машину починил?

— Нет еще. Требуют четыреста долларов только за...

— Мама, Симор сказал папе, что заплатит за ремонт. Незачем...

— Ну, посмотрим. Как он держался — в машине, ну и в целом?

— Нормально, — ответила девушка.

— Обзывал тебя этой жуткой...

— Нет. У него теперь кое-что новенькое.

— Что?

— Ох, да какая разница, мама?

— Мюриэл, я хочу знать. Твой отец...

— Ладно, ладно. Он зовет меня мисс Духовная Гулёна-1948, — ответила девушка и хихикнула.

— Ничего смешного, Мюриэл. Совершенно ничего. Это кошмар. А вообще — грустно. Как подумаю, что...

— Мама, — перебила девушка. — Послушай меня. Помнишь книгу, которую он мне прислал из Германии? Ну эту — немецкие стихи. Куда я ее задевала? Ума не...

— Она где-то у тебя.

— Точно? — спросила девушка.

— Разумеется. То есть где-то у меня. В комнате у Фредди. Ты ее бросила тут, а у меня не было места в... А что? Она ему нужна?

— Нет. Но он про нее спрашивал, когда мы ехали. Прочла я или нет.

— Она же на немецком!

— Да, моя дорогая. Это без разницы. — Девушка закинула ногу на ногу. — Он говорит, стихи

эти, оказывается, написал единственный великий поэт нашей эпохи. Говорит, надо было перевод купить или как-нибудь. Или выучить язык, если угодно.

— Кошмар. Кошмар. А вообще — грустно, вот что. Твой отец вчера вечером сказал...

— Секундочку, мама, — сказала девушка. Сходила к окну за сигаретами, закурила, вернулась к кровати. — Мама? — спросила она, выдыхая дым.

— Мюриэл. Так, послушай меня.

— Я слушаю.

— Твой отец разговаривал с доктором Сивецки.

— Так? — сказала девушка.

— Он все ему изложил. По крайней мере, мне он так сказал — ты же знаешь своего отца. Про деревья. Эту историю с окном. Весь этот кошмар, что он бабушке наговорил про ее виды на кончину. Что он сделал с этими славными снимками с Бермуд — все.

— И? — сказала девушка.

— И. Во-первых, тот ответил, что выпустать его из госпиталя — это было преступление армии, слово чести. Он весьма определенно сказал твоему отцу, что есть немалая возможность — очень большая возможность, как он сказал, — что Симор совершенно утратит контроль над собой. Даю слово чести.

— Здесь в отеле есть психиатр, — сказала девушка.

— Кто? Как его фамилия?

— Откуда я знаю? Ризер или как-то. Говорят, очень хороший.

— Никогда не слышала.

— Но он все равно, говорят, очень хороший.

— Мюриэл, пожалуйста, не хаами. Мы за тебя очень переживаем. Вообще-то вчера вечером отец хотел вызвать тебя телеграммой дом...

— Мама, я сейчас домой не поеду. Так что успокойся.

— Мюриэл. Слово чести. Доктор Сивецки сказал, что Симор может совершенно утратить кон...

— Я только что приехала, мама. Это у меня первый отпуск за много лет, и я не собираюсь все упаковать обратно и мчаться домой, — сказала девушка. — И я все равно сейчас дороги не перенесу. Я так обгорела, что хожу с трудом.

— Ты на солнце обгорела? Ты что, не мазалась этим «Бронзом», я же тебе положила? Я в сумку прямо...

— Мазалась. Но сгорела все равно.

— Кошмар. И где ты сгорела?

— Везде, дорогая моя, везде.

— Кошмар.

— Выживу.

— Скажи мне, а ты с этим психиатром говорила?

— Ну как бы, — ответила девушка.

— И что он сказал? Где был Симор, когда вы разговаривали?

— В Океанском салоне, на пианино играл. Он оба вечера, что мы тут были, играл.

— Ну, и что он сказал?

— Ой, да ничего такого. Сначала со мной сам заговорил. Я вчера вечером на бинго рядом с ним сидела, и он спросил, не муж ли это мой играет в соседнем зале на пианино. Я говорю, да, муж, а он спрашивает, он что, заболел. А я говорю...

— А почему он спросил?

— Откуда я знаю, мама? Наверное, Симор бледный такой, — сказала девушка. — В общем, после бинго они с женой позвали меня выпить. Я и пошла. Жена у него просто жуть. Помнишь это кошмарное вечернее платье, мы его в витрине «Бонуита»¹ видели? Ты про него еще сказала, что к нему нужно маленькую, просто крохотную...

— Зеленое?

— Вот в нем она и ходит. Там одни ляжки. Она у меня все спрашивала, не родственник ли Симор той Сюзанне Гласс, у которой магазин на Мэдисон-авеню, шляпный.

— Но что же он сказал? Врач.

— А. Ну, в общем, ничего такого. То есть мы же в баре сидели и прочее. Там жуткий шум.

— Да, но... но ты ему рассказала, что он пытался сделать с бабушкиным креслом?

— Нет, мама. Я не очень вдавалась в подробности, — ответила девушка. — Может, еще получится с ним поговорить. Он торчит в баре целыми днями.

¹ «Бон у и т - Т е л л е р» — элитный универсальный магазин, основанный Полом Бонуитом в 1895 г. Закрылся в начале 1980-х гг.

— А он не сказал, возможно ли, чтобы... ну, ты понимаешь — он чудить, скажем, начал? С тобой что-нибудь сделал?!

— Вообще-то нет, — ответила девушка. — Ему нужно побольше фактов, мама. Им же про детство надо все вызнать — вот в этом смысле. Я же сказала, нам едва удалось вообще поговорить, такой там шум стоял.

— М-да. Как твоё синее пальто?

— Нормально. Я часть набивки вытащила.

— А что вообще с одеждой в этом году?

— Жуть. Но инопланетная. В общем, сплошные блески, — сказала девушка.

— Как номер?

— Нормально. Но и только. Тот, что у нас до войны был, не дали, — сказала девушка. — Люди в этом году кошмарные. Ты бы видела, что с нами в ресторане сидит. За соседним столиком. Будто на самосвале приехали.

— Ну что, сейчас так повсюду. Как балерина?

— Слишком длинная. Я же говорила, она слишком длинная.

— Мюриэл, я только ещё раз у тебя спрошу — с тобой правда все хорошо?

— Да, мама, — ответила девушка. — В девяностый раз.

— И ты не хочешь вернуться домой?

— Нет, мама.

— Твой отец вчера вечером сказал, что он с большой радостью заплатит, если ты поедешь куда-нибудь одна и все обдумаешь. Можно от-

правиться в очень славный круиз. Мы оба подумали...

— Нет, спасибо, — сказала девушка и сняла ногу с ноги. — Мама, этот звонок будет сто...

— Как вспомнишь, что ты всю войну этого мальчика ждала... то есть, как подумаешь про всех этих полоумных женушек, которые...

— Мама, — сказала девушка, — давай закружиться. А то Симор зайдет.

— А он где?

— На пляже.

— На пляже? Без присмотра? Он хорошо себя ведет на пляже?

— Мама, — сказала девушка, — ты говоришь о нем так, словно он буйный...

— Ничего подобного я не говорила, Мюриэл.

— Ну, так это прозвучало. Он же там просто лежит. В халате даже.

— В халате? Почему?

— Откуда я знаю? Наверное, потому что бледный.

— Господи, да ему нужно солнце. А заставить, чтоб снял, нельзя?

— Ты же его знаешь, — ответила девушка и вновь скрестила ноги. — Говорит, не желает, чтобы все это дурачье паялилось на его татуировку.

— Но ведь у него нет никакой татуировки! Он что, в армии сделал?

— Нет, мама. Нет, дорогая моя. — Девушка встала. — Послушай, я, наверное, завтра тебе позвоню.

— Мюриэл. Так, послушай меня.

— Что, мама? — сказала девушка и переступила на правую ногу.

— Позвони мне, как только он сделает или скажет что-нибудь чудное — сама понимаешь. Ты меня слышишь?

— Мама, я Симора не боюсь.

— Мюриэл, я хочу, чтобы ты мне пообещала.

— Ладно, обещаю. До свиданья, мама, — сказала девушка. — Папу целуй. — Она повесила трубку.

— Синь мой глаз, — говорила Сибил Карпентер — она жила в отеле с матерью. — Ты видала, где синь мой глаз?

— Киска, прекрати. Ты мамочку просто с ума сводишь. Сиди, пожалуйста, спокойно.

Миссис Карпентер мазала плечи Сибил маслом для загара, втирала его в хрупкие крылышки лопаток. Сибил шатко примостилась на огромном надувном мяче лицом к океану. На ней был купальник канареечного цвета — верхняя часть его девочке все равно не понадобилась бы еще лет девять-десять.

— Оказалось, обычный шелковый платок — вблизи очень хорошо было видно, — произнесла женщина в шезлонге рядом с миссис Карпентер. — Но вот как она его завязала? Такая прелесть.

— Похоже на то, — согласилась миссис Карпентер. — Сибил, не дергайся, котенок.

— Ты видала, где синь мой глаз? — спросила Сибил.

Миссис Карпенгер вздохнула.

— Ну хорошо. — Она завернула колпачок на пузырьке масла. — Теперь беги играй, котенок. А мама пойдет в отель и выпьет мартини с миссис Хаббел. Принесу тебе оливку.

Очутившись на свободе, Сибил мигом помчалась к равнине пляжа и дальше, к Рыбацкому павильону. Остановилась только сунуть ногу в руины замка из мокрого песка, а вскоре и вообще оказалась за территорией для постояльцев.

Она прошла так с четверть мили, затем вдруг как-то боком понеслась по мягкому песку. И остановилась там, где лежал на спине молодой человек.

— Ты в воду пойдешь, синь мой глаз? — спросила она.

Молодой человек вздрогнул, правая рука его дернулась к отворотам махрового халата. Он перевернулся на живот, с глаз его спала колбаса полотенца, и он сощурился на Сибил.

— Эгей. Привет, Сибил.

— Ты в воду пойдешь?

— Я тебя ждал, — ответил молодой человек. — Что нового?

— Что? — спросила Сибил.

— Нового что? Что у нас в программе?

— Мой папа завтра прилетает на самом лёте, — ответила Сибил, пиная песок.